

## К ВОПРОСУ О ДУХОВНОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

С. И. АБРАМОВ

Патриотическое воспитание — вопрос первостепенной важности. Без этого базиса невозможно становление полноценной личности. В данной статье рассматривается роль духовности в процессе воспитания. Автор на примере стихотворений русских поэтов показывает, что духовность — это, в первую очередь, вера в Бога и любовь к своей Родине, без которых невозможна реализация лучших качеств во всех сферах жизни человека.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —  
Не дом городской, где я празднично жил,  
А эти проселки, что дедами пройдены,  
С простыми крестами их русских могил.

*К. М. Симонов*

Наш выдающийся соотечественник И. А. Ильин, рассуждая о возрождении России пишет о том, что оно может осуществиться только при сохранении и передаче из поколения в поколение национальной культурной традиции. Причем, по мысли Ивана Александровича, такая передача может состояться только в лоне семьи, которая «...дает человеку два священных первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепляться к родине-матери и возноситься к Богу Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны»<sup>1</sup>. Исходя из этого, можно предположить, что будущая счастливая жизнь России будет зависеть от восприятия этих двух первообразов грядущими поколениями русских людей. Но тогда следует выяснить, что же является содержанием этих первообразов, что они значат для каждого россиянина, а лучше сказать для одного из нас, так как, по утверждению Ильина: «Россия не освободится и не возродится, пока русские люди не вступят на предметный путь»<sup>2</sup>.

По поводу вышеозначенной проблемы в моей памяти возникает эпизод из жизни нашего общества, связанный как раз со временем его так называемой «перестройки», точнее, последней ее фазы — времени открытия храмов и на-

<sup>1</sup> Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения (цит. по : <http://ivan-article.narod.ru/files/article.pdf>).

<sup>2</sup> Там же.

плыва в них духовно-жаждущей братии. В это время приход нашего храма состоял практически на девяносто процентов из молодых интеллектуалов, рассуждавших и спорящих о том, как «...в имманентности Откровения Бог утверждает Себя трансцендентным творению»<sup>3</sup>. Живя в этих спорах, мы не сразу заметили, как у ворот нашего храма появился Николай. Это был человек, почти полностью отвечающий характеристике данной в Новом Завете исцеленному апостолом Петром иерусалимскому больному: *...хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма... просить милостыни у входящих в храм* (Деян 3. 2). Только нашего Николая его родные не приносили просить милостыни, а наоборот, приходили, забирали и отправляли в специальную клинику, для лечения и жизни в ней, но он убежал оттуда и снова появлялся в дверях нашего храма. Не знаю, был ли Николай юродивым во Христе, но то, что он был светлым человеком, это точно. Практически не разговаривая, а только произнося нечленораздельные звуки, Николай тепло улыбался собеседнику всей своей открытой душой, при этом глаза его светились какой-то тихой, только ему известной, радостью. Его любили все в нашем городе, но особенно дети и продавцы продуктовых магазинов. Часто можно было наблюдать такую умильную картину: еле ползущий Николай, подпоясанный солдатским ремнем, в нахлобученной на голову строительной каске (он часто падал при ходьбе и разбивал голову и лицо), опираясь на сучковатую палку, тащит под мышкой целую «палку» вареной колбасы, (которая по тем временам была страшным дефицитом), улыбаясь при этом всем встречным-поперечным своей счастливой улыбкой, а за ним, обливаясь слюной и постоянно огрызаясь, бежит свора дворовых псов в надежде на добычу. И если Николаю удавалось донести колбасу до храма, а такое происходило крайне редко, то первыми, кого он одаривал, были маленькие дети.

Если говорить о его вере и благочестии, то следует отметить, что Николай был скромником, как-то незаметно «входил» в церковь, усаживался в самом дальнем углу, внимательно слушал и смотрел на то, что происходило во время службы. Вокруг него всегда толпились дети, которые садились ему на колени, дергали его за руки, что-то рассказывали, спрашивали, а он, улыбаясь, с любовью отвечал им на своем «птичьем» языке, и они — о чудо! — понимали друг друга! Но при всем том, он мог прямо в храме накричать на взрослого человека, который, по его мнению, вел себя неблагоговейно. Николай не был особо набожным, я никогда не замечал, чтобы он участвовал в Таинствах церкви. Но вот однажды на Пасху, когда с амвона прозвучало долгожданное: «Христос Воскресе!» и все стали христосоваться — поздравлять друг друга с Пасхой братскими поцелуями, я, продвигаясь медленно к выходу, заметил, что у дверей стоит Николай, протягивает руки и восклицая: «Христос воскрес!» трижды целуется с проходящими. Оторопь взяла меня — христосоваться с юродивым? Куда тут только делись мои рассуждения о всеобщей любви? Одно представление о том, что сейчас нужно будет целоваться с этим дурно пахнущим, побитым, косноязычным калекой, рождало во мне всепроникающий немой вопль: «НЕТ!» Я не буду писать, что все святые с икон смотрели на меня осуждающе, нет, я ничего не замечал, кроме

<sup>3</sup> Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 204.

надвигающегося на меня выбора. Вот уж действительно: *...целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Лк 22. 48). И когда я услышал Колино: «Христос воскресе!», я уже ни о чем не рассуждая, просто ответил: «Воистину воскресе, брат!» — и расцеловался с ним... И в этот момент что-то или Кто-то коснулся моего сердца, и я, подобно андерсеновскому Каю, вырвавшемуся из плена Снежной Королевы, почувствовал такое сердечное тепло и благодать, разлившуюся по всему телу, которые ни передать, ни описать невозможно, это была Пасха!

Этот пасхальный случай дал мне понимание того смысла, который имел в виду Ильин, говоря о том, что христианин видит в своей родине: «...некое священное сокровище, живое веяние Духа Божия. Родина есть для него национально воспринятый, исторически взращенный и в земные дела вработанный дар Духа Святого»<sup>4</sup>. Этот дар может прибывать в любом человеке, и в том числе, а может и в первую очередь, в юродивом Николае, который являет собой, по словам другого Николая — Рубцова, Тихую родину, вобравшую в себя наши духовные национальные ценности:

Тихая моя родина!  
Ивы, луна, соловьи...  
Мать моя здесь похоронена  
В детские годы мои.  
— Где тут погост? Вы не видели?  
Сам я найти не могу. —  
Тихо ответили жители:  
— Это на том берегу.  
Тихо ответили жители,  
Тихо проехал обоз.  
Купол церковной обители  
Яркой травой зарос...<sup>5</sup>

Если рассматривать образы «Тихой родины» Рубцова в контексте священных первообразов, данных Ильиным, то можно сразу и не увидеть их связи. Действительно: матери нет — похоронена еще в младенчестве, Бог забыт — купол храма зарос травой, хотя сознание жителей русской глубинки остается христианским: каждому человеку — памятник (как итог и цель его жизненного пути) — крест (как символ нашего спасения и будущей жизни во Христе). Но, если внимательно отнестись к духовному содержанию стихов Николая Михайловича, то можно проследить чисто русскую духовную антиномию, выраженную в стихах Сергея Александровича Есенина:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,  
За неверие в Благодать  
Положили меня в русской рубашке  
Под иконами умирать<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Ильин И. А. Указ. соч.

<sup>5</sup> Стихотворение приводится по аудиозаписи: «Стихи и песни в исполнении автора Н. М. Рубцова». «Тихая моя Родина» (цит. по : [http://rubtsov.id.ru/music/music\\_rub.htm](http://rubtsov.id.ru/music/music_rub.htm)).

<sup>6</sup> Есенин С. А. «Мне осталась одна забава...» // Полн. собр. соч. : В 7 т. Т 1. Стихотворения. М. : Наука; Голос, 1995. С. 185.

Или Константина Михайловича Симонова:

Как будто за каждую русской околицей,  
Крестом своих рук ограждая живых,  
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся  
За в Бога не верящих внуков своих<sup>7</sup>.

И самого Рубцова:

Красным, белым и зеленым  
Нагоняем сладкий бред...  
Взгляд блуждает по иконам...  
Неужели Бога нет?<sup>8</sup>

Бесспорно, что и в сознании, и в творчестве Рубцова Бог присутствует. Но Бог Рубцова, как и Бог любимых им Есенина и Тютчева, это Тот, Которого:

Не поймет и не заметит  
Гордый взор иноплеменный...

Это Тот, Который:

Удрученный ношей крестной,  
Всю тебя, земля родная,  
В рабском виде Царь Небесный  
Исходил, благословляя<sup>9</sup>.

Действительно, Господь открывается многим русским поэтам в смиренной красоте нашей тихой родины, в ее бедных селеньях, в ее скудной природе к которым они, чувствуют «самую жгучую, самую смертную связь»:

О, вид смиренный и родной!  
Березы, избы по буграм  
И, отраженный глубиной,  
Как сон столетний, Божий храм.  
(«Душа хранит», 1966)<sup>10</sup>.

Как это настроение Н. М. Рубцова созвучно благоговейному чувству Н. А. Некрасова:

Храм Божий на горе мелькнул  
И детски чистым чувством веры  
Внезапно на душу пахнул.  
(«Тишина», 1857)<sup>11</sup>.

---

<sup>7</sup> Симонов К. М. Всемирная библиотека поэзии. Ростов н/Д. : Феникс, 1998 (цит. по : <http://www.litera.ru/stixiya/authors/simonov/ty-pomnish-alesha.html>).

<sup>8</sup> Рубцов Н. М. Последняя осень. М. : Эксмо, 2004. С. 366.

<sup>9</sup> Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1957 (цит. по : <http://www.litera.ru/stixiya/authors/tyutchev/ehti-bednye-selenya.html>).

<sup>10</sup> Рубцов Н. М. Звезда полей. М. : Сов. писатель, 1967. С. 46.

<sup>11</sup> Некрасов Н. А. Сочинения : В 3 т. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1959 (цит. по : <http://www.klassika.ru/stihi/nekrasov/vse-rozh-krugom.html>).

Или С. А. Есенина:

Троицыно утро, утренний канон,  
В роще по березкам белый перезвон.  
Тянется деревня с праздничного сна,  
В благовесте ветра хмельная весна.  
(«Троицыно утро...», 1914)<sup>12</sup>.

В этой благодати русской природы находит Николай Рубцов и свою мать, которая приходит к нему в его видениях — снах («В горнице», 1965), в которых поэт начинает поливать завядшие было красные цветы своей надежды и веры. «Лодку мастерить себе», очевидно, для того, чтобы посредством путешествия в неизведанный им — детдомовцем — мир Любви материнской (недаром его так жалели матери его друзей) и неведомого Бога, которого он, не зная, чтит, соединить в своей душе два этих сакральных первообраза.

Но осуществить эти сны ввяв ему, да и многим русским талантам, не удалось по самой обыденной для России и горькой причине — пьянству. О, сколько жертв было принесено этому ненасытному змию! И герой моего духовного перерождения — юродивый Николай — не оправился от автомобильной травмы, полученной им по дороге к храму. Кто виноват в этом? Его собутыльники, которые, используя его доброту, каждый день меняли собранную им милостыню на водку, спаивая его таким образом. Или его родственники и мы, чьи старания вернуть его к нормальной жизни не увенчались успехом, так как на все попытки изгнать его «друзей» Николай отвечал с такой злобой и агрессией, что даже близкие родственники и его любимцы — маленькие дети боялись подходить к нему.

Так в чем же дело, в чем же сила зеленого змия, та сила, что смогла победить Колину благодать, та сила, что мешает жить и развиваться нашей родине? А эта сила вырастает из выбора человека: добра или зла, и им питается. Как заметил по этому поводу Достоевский, здесь (в мире. — С. А.) диавол с Богом борется, и поле битвы — сердце человека. Следовательно, кого выпустит человек в свое сердце, такое сокровище и обретет (см. Лк 12. 34), такое общество построит и в таком государстве будет жить.

В связи с таким важным значением сердечного выбора для дальнейшей жизни человека, общества и мира в целом, о нем во все времена говорили и писали многие православные святые и подвижники благочестия. Например, замечательный духовник, современник и соименник Рубцова — игумен Никон (в миру — Николай Николаевич Воробьев), пишет одному из своих духовных чад, страдающих недугом пьянства: «Как люди духовные, борющиеся с грехом и побеждающие грехи, делаются постепенно способными чувствовать сначала духовный мир, а затем видеть Ангелов, точно также преданные грубым страстям, особенно пьянству и разврату, если не покаются, будут видеть бесов и сделаются их рабами. Бесы, действовавшие втайне, станут являться в виде разбойников, диких зверей, змей и проч. Потом могут явиться и в своем безобразном гнусном виде. Если и тут ты необразишься, то заставят тебя совершить какое-либо

---

<sup>12</sup> Есенин С. А. «Троицыно утро, утренний канон...» // Полн. собр. соч. : Т. 1. С. 31.

тяжкое преступление, например, поджог, убийство, а затем приведут в полное отчаяние и заставят покончить с собой. Если бы со смертью человек совсем исчез, так можно было бы порадоваться, что кончились мучения, но ведь нет уничтожения. Пьяница, самоубийца из малых и временных страданий перейдут окончательно и навеки во власть бесов в ужаснейшую муку, которой не будет конца... после смерти вечность без конца, вечность или в неизреченном блаженстве, или в ужасной муке. Выбор в наших руках»<sup>13</sup>. Как эти строки верно отражают нашу действительность! Сколько раз каждый из нас встречался с этим феноменом и в своей жизни и в жизни других людей, оставивших значительный след в истории нашей родины. Если взять, например последние годы жизни С. А. Есенина, который в пьяном угаре или гордыне: «Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?»<sup>14</sup> отрекался от радости своих «детских снов», от данного ему Богородичного покрова<sup>15</sup>, земной, а порой и от небесной церкви:

Время мое приспело,  
Не страшен мне лязг кнута  
Тело, Христово тело  
Выплываю изо рта.  
Не хочу воспринять спасения  
Через муки Его и Крест...  
(«Инония», 1918)<sup>16</sup>.

Звал Гостя — нового Христа, а встретил, железного гостя — черного человека, приступившего к нему и уже не выпустившего Сергея Александровича из своих когтистых лап, доведя его до самоубийства. Не лучше оказалась и судьба Рубцова, отрицавшего «Возможность трезвой жизни...»<sup>17</sup> Конечно, Николай Михайлович сам испытывал судьбу, сам из озорства вызывал из сумерек злых духов ночи. В его стихах навязчиво повторяются одни и те же образы ведьмовских чар. Иногда, как, например, в стихотворении «Сапоги мои — скрип да скрип» шутиливо:

Знаешь, ведьмы в такой глуши  
Плачут жалобно.  
И чаруют они, кружа,  
Детским пением...  
(1964)<sup>18</sup>.

Но чаще и с каждым годом все грознее и неотвратимее уже не в озорном воображении, не в глубинах подсознания, а наяву возникнут страшные видения:

<sup>13</sup> *Никон (Воробьев), игумен*. Нам оставлено покаяние. М. : Сретенский монастырь, 2005. С. 334.

<sup>14</sup> *Есенин С. А.* «Песня» // Полн. собр. соч. : Т. 1. С. 217.

<sup>15</sup> *Есенин С. А.* «Чую радуницу Божью...». Там же. С. 56–57.

<sup>16</sup> *Есенин С. А.* Полн. собр. соч. : В 7 т. Т. 2 : Стихотворения (Маленькие поэмы). М. : Наука; Голос, 1997. С. 61.

<sup>17</sup> *Рубцов Н. М.* Последняя осень. С. 525.

<sup>18</sup> *Рубцов Н. М.* Звезда полей. М. : Сов. писатель, 1967. С. 33.

Кто-то стонет на темном кладбище,  
Кто-то глухо стучится ко мне,  
Кто-то пристально смотрит в жилище,  
Показавшись в полночном окне.  
В эту пору с дороги буранной  
Заявился ко мне на ночлег  
Непонятный какой-то и странный  
Из чужой стороны человек.  
(«Зимняя ночь», 1969)<sup>19</sup>.

Что это за человек из чужой стороны, какова его природа? Автор сам говорит об этом: «Чтоб нечистую выпугнуть силу, с фонарем я иду на чердак»<sup>20</sup>. И все это — и пугающая Рубцова явлением ему чуждых злых духов чернота и отчаянная нищета, и понимание необходимости написания своих стихов — сплеталось в единый клубок. И как результат — срывы, те пьяные скандалы, о которых так часто любят вспоминать теперь (Николай Коняев). Дальше — больше, в его нестроенной семейной жизни появляется женщина, которая ищет в нем, может, мужа, а, может, музу, об этом много было суждений, но, исходя из смысла нашего исследования, обратим внимание на духовную составляющую этого необычного союза, для чего приведем отрывок из воспоминаний Александра Романова: «Людмила Дербина попросила обсудить на писательском собрании ее книгу стихов «Сиверко», вышедшую в 1969 году в Воронеже... Она свободно сидит перед всеми. Молодая, смуглолицая, в рыжем пламени взвившихся по плечам волос. Короткое платье высоко вздернуто над ядрами колен. Вся — как вызов. Сжав в пальцах свое «Сиверко», вскидывает перед собой, и нам видно, как обложка книги белеет и синееет будто бы проступившей изморозью. А голос! Сперва — что сусло, а затем — что кипяток.

...Когда-нибудь в пылу азарта  
Взовьюсь я ведьмой из трубы  
И перепутаю все карты  
Твоей блистательной судьбы!  
Вся боль твоя в тебе заплачет,  
Когда рискнешь как бы врасплох  
Взглянуть в глаза мои кошачьи —  
Зеленые, как вешний мох...

Все понимают, что это — умелые стихи, но смущает безудержность их дьявольской страсти»<sup>21</sup>.

Вот эта дьявольская страсть и погубила их обоих: смерть Рубцова случилась на кануне их бракосочетания с Людмилой, которое было назначено на день Крещения — великого Праздника, знаменующего собой обращение человека к новой, спасительной жизни. Но обращение не состоялось — Николай погиб, а

---

<sup>19</sup> Рубцов Н. М. Сосен шум. Там же. С. 96.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Николай Рубцов: Вологодская трагедия / Сост. Н. Коняев. М. : Эллис Лак, 1997 (цит. по : <http://rubtsov.id.ru/Memories/romanov.htm>).

жизнь Людмилы была перечеркнута «непрощаемой» виной: «За убиение поэта она проклятием казнена» (А. Романов). Причем знаменательным была и сама кончина поэта, в ту ночь его соседка проснулась от крика: «Я люблю тебя!» — это были последние слова Николая Рубцова, и вслед им, как бы давая ответ на поставленный им в своем стихотворении вопрос, обращенный к иконам о бытии Бога, рухнул стол, на котором находились сами иконы, причем образ Николая Чудотворца (особо почитаемый на Руси и являющийся покровителем Рубцова) — раскололся пополам<sup>22</sup>.

Но со смертью Рубцова творчество поэта, не закончилось. То, что он пережил, прочувствовал, выстрадал отразилось во многих его стихах-видениях, давших его читателям положительный импульс в их духовном выборе. Именно в этой связи — духовного прозрения и предметного пути — по мнению Ильина, зиждется национальная духовная культура, которая «...творится из поколения в поколение несознательной мыслью и произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа; и прежде всего, инстинктом и бессознательными, ночными силами души»<sup>23</sup>. Эту мысль Ильина прекрасно иллюстрируют строчки Рубцова из его «Видения на холме» (1965):

Люблю твою, Россия, старину,  
Твои огни, погосты и молитвы,  
Люблю твои избушки и цветы,  
И небеса, горящие от зноя,  
И шепот ив у омутной воды,  
Люблю навек, до вечного покоя...<sup>24</sup>

Разве эти строчки не дают основания увидеть тот «национально воспринятый, исторически взращенный и в земные дела вработанный дух», которыми обладали многие русские люди. Только обладатель такого духа — юноша, скачущий на розовом коне, может воскликнуть, предупреждая грядущее поколение от беды: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»<sup>25</sup> Но как хранить себя должна их любимая тихая родина, Николай Михайлович и многие советские поэты при жизни так и не поняли, не нашли той предметности, той религиозной веры, которой, по мысли Ильина озарены, облагорожены, оформлены и воспитываются те таинственные силы души, которые способны к духовному творчеству. Они не смогли обратиться к признанным носителям живого веяния Духа Божия — святым, в Земле Российской просиявшим, пронесшим через всю свою жизнь, не испугавшись никаких дьявольских соблазнов, два священных первообраза: матери-Родины, Святой Руси и Бога Отца, связанных в их душе неразлучно, даже во все тяжкие, богоборческие времена. Поэтому именно русские православные святые — мужчины и женщины, старцы и младенцы, девушки и юноши — составляют ту российскую семью в лоне которой и может состояться творческое сохранение и передача из поколения в поколение национальной культурной тра-

<sup>22</sup> Коняев Н. Путник на краю поля (цит по : Рубцов Н. М. Последняя осень. С. 598.

<sup>23</sup> Ильин И. А. Указ. соч.

<sup>24</sup> Рубцов Н. М. Лирика. Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 23.

<sup>25</sup> Там же.

диции. А о «предметном» пути этой передачи говорится в стихирах на стиховне праздника Всех Русских святых: «Русь Святая, храни веру православную, в ней же тебе утверждение»<sup>26</sup>.

*Ключевые слова:* воспитание, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, духовность, русская поэзия, первообраз.

## ON THE ISSUE OF SPIRITUALITY IN PATRIOTIC UPBRINGING

S. I. ABRAMOV

Patriotic upbringing is a matter of primary importance. It is impossible for the personality to achieve full-fledged formation without such background. The article examines the role of spirituality in the process of upbringing. Taking as examples poems by Russian poets the author demonstrates that spirituality in the first place is all about faith in God and love of one's Motherland. Without these two concepts the realization of best human qualities is impossible.

*Keywords:* upbringing, patriotic upbringing, spiritual-moral upbringing, spirituality, Russian poetry, prototype.

---

<sup>26</sup> Минея. Май. Ч. 3. М. : Московская Патриархия, 1987. С. 327.